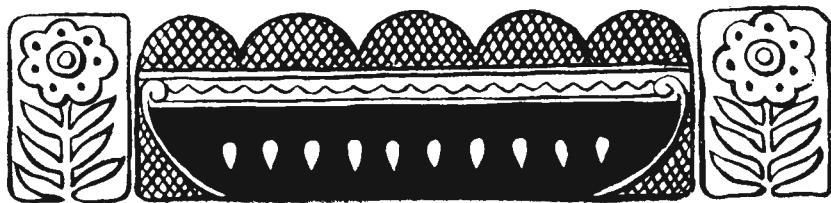

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ, 1904 Г.

РАЗСКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВЪ О ЗАВОЕВАНІИ РУССКИМИ САМАРКАНДА И О СЕМИДНЕВНОМЪ СИДЪНІИ.

ПРОЖИВАЯ въ настоящее время въ Забайкальской области, я случайно встрѣтила въ Кяхтѣ двухъ сартовъ, очевидцевъ паденія Самарканда. Они отбыли каторжныя работы, срокъ поселенія и теперь, свободные, занимаютъ частныя мѣста. Съ ихъ словъ я записала интересные рассказы о завоеваніи русскими г. Самарканда и о «семидневномъ сидѣніи». Эти рассказы заслуживаютъ вниманія уже потому, что, къ сожалѣнію, участниковъ и очевидцевъ тѣхъ историческихъ событій, о которыхъ я говорю, остается уже не много: одинъ за другимъ они сходятъ со сцены, и встрѣченные мною сарты приближаются къ преклонному возрасту.

Повѣствованія сартовъ интересны, какъ выраженіе личныхъ взглядовъ и впечатлѣній рассказчиковъ, бывшихъ не только свидѣтелями, но и участниками патріотическаго движенія въ пользу защиты г. Самарканда отъ приближающагося опаснаго непріятели, а вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь, какъ въ зеркалѣ, отражается и общее настроеніе тогдашнихъ жителей г. Самарканда, ихъ колебаній, волненій, смѣнившихся, наконецъ, признаніемъ русскаго военнаго гения. Достоверность рассказовъ я могла оцѣнить, проживъ въ Туркестанѣ болѣе четырнадцати лѣтъ, изъ нихъ десять въ Самаркандѣ, и познакомившись съ исторіей края, какъ по письменнымъ источникамъ, такъ и по рассказамъ многихъ лицъ¹⁾.

¹⁾ Прежде записанные мною въ г. Самаркандѣ четыре рассказа очевидцевъ: одного сарта, двоихъ русскихъ отставныхъ солдатъ и одной самаркандской еврейки, были напечатаны въ «Туркестанскомъ литературномъ сборникѣ» 1899 г., изданномъ по инициативѣ покойнаго туркестанскаго генералъ-губернатора С. М. Духовскаго, лично привлекавшаго сотрудниковъ.

I.

Рассказъ Комбельбоя, сарта, уроженца города Самарканда, нынѣ сторожа въ Троицкосавскомъ полицейскомъ управленіи, названнаго по принятіи имъ праславія Константиномъ Богдановымъ.

Отецъ мой былъ турокъ, поселившійся въ Самаркандѣ, мать— сартянка. Отцу моему было лѣтъ шестьдесятъ, а мнѣ двадцать три года, когда прошелъ слухъ о томъ, что русскіе идутъ на Самаркандъ. Мой старшій братъ былъ въ то время женатъ и имѣлъ двоихъ дѣтей, мать умерла года за два до прихода русскихъ. У отца была мясная лавка на базарѣ. Братъ мой велъ полевое хозяйство, я же помогалъ отцу въ торговлѣ. Я не любилъ торговли, мнѣ нравилось лучше скакать на дикой лошади, драть козла ¹⁾, вступать въ единоборство. Удаляю я съ дѣтства отличался.

Конечно, весь Самаркандъ взволновался, узнавъ, что русскіе двигаются изъ Джизака къ намъ. У насъ были два русскихъ солдата, убѣжавшихъ къ намъ, чтобы избавиться отъ тяжкаго наказанія, къ которому они были приговорены, не знаю за какія преступленія. Этихъ двухъ солдатъ я хорошо помню. Оба приняли магометанство и обѣщали обучать насъ военному дѣлу. Одинъ изъ нихъ высокій, худой. Его назвали Усманомъ. Другой невысокаго роста, широкоплечій, очень сильный сохранилъ свою русскую фамилію Богдановъ. Ихъ обоихъ назначили полковниками: Богданова командиромъ артиллеріи (онъ былъ артиллеристомъ), а Усмана

¹⁾ Драть козла—одно изъ любимыхъ развлеченій сартовъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Самарканда, въ мѣстности, называемой Афросіабъ, на равнинѣ, окруженной высокими песчаными холмами, собирается удалая молодежь верхомъ на бойкихъ лошадяхъ. Старики взбираются на вершины холмовъ и съ вершины самаго высокаго холма съ отвѣсной стороны его бросаютъ удалыцамъ, ожидающимъ у подножія горы, живого козла. Въ данномъ случаѣ козелъ изображалъ собою шайтана (чорта). Козла подхватываютъ на лету удалыцы. Счастливецъ, а иногда и двое или трое, овладѣвъ несчастнымъ животнымъ, преслѣдуемые соперниками, мечутся по равнинѣ въ разныя стороны до тѣхъ поръ, пока козелъ не бываетъ разорванъ на мелкія части. Если удалецъ, схватившій козла, успѣваетъ сохранить въ своихъ рукахъ хоть часть животнаго, особенно голову, онъ получаетъ призъ. Со времени покоренія русскими г. Самарканда «байга» или спортъ этого рода не былъ уничтоженъ, но было запрещено драть живого козла. Съ вершины афросіабской горы присутствующіе почетные гости-русскіе съ командующимъ войсками Самаркандской области во главѣ бросаютъ (исполнителями являются тутъ старшины аксакалы) уже убитаго раньше козла. Съ вершины холма вся равнина, во время погони за козломъ, кажется кипящею кашей. Ничего нельзя разсмотрѣть въ сплотившейся двухъ-трехтысячной толпѣ, кромѣ движущихся, мечущихся головъ всадниковъ. Покойный графъ Николай Яковлевичъ Ростовцевъ, незабвенный въ лѣтописяхъ Самарканда, вездѣ распространявшій своимъ присутствіемъ свѣтъ, радость и блескъ, самъ раздавалъ призы, да не одному, а нѣсколькимъ удалыцамъ, и такіе призы, которыхъ сарты не получали до него: роскошные шелковые халаты, серебряныя вещи и др.

командующимъ пѣхотой. Они учили насъ стрѣлять, маршировать, приучали къ дисциплинѣ и порядку. И Богдановъ, и Усманъ говорили, что русскихъ немного, что они усталые и голодные, и что бояться нечего.

Самаркандскій бекъ колебался, защищать ли городъ или нѣтъ: онъ ждалъ распоряженія отъ бухарскаго эмира, а муллы напротивъ въ мечетяхъ, на базарахъ и на площадяхъ горячо взывали къ защитѣ родного города и знаменитыхъ мечетей, разгорячили народъ, требовали войны. Въ медресе Тилла-Кали собрали совѣтъ изъ выбранныхъ участковыхъ представителей, чтобы обсудить мѣры къ защитѣ города. Сдѣлали это самовольно, не спросясь бека. Нашъ отецъ былъ на этомъ совѣтѣ и рассказалъ дома, что тамъ произошли страшные беспорядки. Бекъ разсердился, когда узналъ, что вопросъ рѣшается безъ него, и послалъ на собраніе своихъ приближенныхъ и отрядъ сарбасовъ (мѣстныхъ солдатъ). Приближенные бека спорили и ссорились съ муллами, дошло до драки, вмѣшались сарбасы, стали стрѣлять въ народъ. Горожане убили представителей со стороны бека и нѣсколькихъ сарбасовъ. Произошла общая свалка. Болѣе всѣхъ пострадали муллы. Солдаты не только многихъ убили и ранили, но и разграбили ихъ имущество, а въ самомъ медресе досталось и живущимъ тамъ ученикамъ, ихъ выгнали изъ келлій и завладѣли ихъ жалкимъ скарбомъ.

Несмотря на такое противодѣйствіе со стороны бека, сарты волновались и готовились къ войнѣ. Ихъ ожесточила присылка сарбасовъ на совѣтъ въ Тилла-Кали, и они не обращались больше къ беку. Рѣшено было не подпускать русскихъ къ самому городу и для этого занять Чупанаты, песчаный холмъ у самой рѣки Зеравшана, не имѣющей вслѣдствіе своей быстрины и лѣтнихъ разливовъ ни переправъ, ни мостовъ. (Такъ какъ рѣка эта не глубока, то сарты переправляются верхомъ въ бродъ или на арбахъ). Мѣстность эта находится верстахъ въ восьми отъ города.

Мы полагали, что, во-первыхъ, русскіе не посмѣютъ переходить въ бродъ незнакомую быструю рѣку, а, во-вторыхъ, если бы и вздумали отважиться, то во время труднаго перехода мы перебьемъ ихъ съ возвышенности всѣхъ поголовно. Позиція наша была очень выгодна. Богдановъ вызвался поставить артиллерію, собралъ охотниковъ, рылъ окопы, дѣлалъ траншеи, устанавливалъ пушки. Было больше двадцати пушекъ направлено на Зеравшанъ. Я былъ въ числѣ охотниковъ. Всѣ мы воодушевляли другъ друга и дошли до увѣренности, что прогонимъ русскихъ. Я былъ вполне счастливъ. Я думалъ тогда, что самое лучшее дѣло въ мірѣ—это война, а люди воюющіе—самые счастливые. Какъ я былъ глупъ! Я былъ вездѣ тѣнью Богданова и убѣгалъ только затѣмъ, чтобы узнать, что дѣлаетъ Усманъ. А этотъ собралъ конную милицію и

пѣхотинцевъ и предположилъ встать съ нею за горой, чтобы напасть на русскихъ съ тыла. И Усмана, и Богданова нельзя было отличить отъ сартовъ. Они брили волосы и носили, какъ мы, чалмы и халаты.

Не знаю, прислалъ ли эмиръ свое согласіе на защиту города, или все сдѣлалось само собою, но только ко дню прихода русскихъ самаркандскій бекъ бѣжалъ изъ города, а бухарскія войска, тысячъ до пятнадцати, стоявшія лагеремъ въ окрестностяхъ города, присоединились къ намъ. И такъ мы заняли Чупанаты и равнину. У насъ было все готово, мы ждали русскихъ.

Посланный на развѣдки конный джигитъ прискакалъ на разсвѣтѣ на Чупанаты, а затѣмъ въ городъ и сообщилъ, что непріятель уже верстахъ въ двадцати отъ города. Это было 1-го мая 1868 года.

Мы, защитники и охотники, а также и войска, ночевали на Чупанатахъ. Отецъ далъ мнѣ наканунѣ пистолеть и саблю, а самъ вооружился ружьемъ. Извѣстіе джигита всѣхъ подняло на ноги и взволновало. Кажется, многіе только теперь поняли, что наступаетъ страшный часъ, что дѣйствительно намъ предстоитъ встрѣтить опаснаго врага и защищать отъ него родной городъ. Меня точно подмывало, я не могъ стоять на мѣстѣ, сбѣжалъ съ горы въ равнину и оттуда обернулся къ своимъ. Вся гора была усѣяна защитниками, пестрѣли красные, желтые, синіе, бѣлые халаты и бѣлыя чалмы. Издали гора казалась цвѣтникомъ или пестрымъ ковромъ. Еще прибывали защитники изъ Самарканда и становились кому, гдѣ угодно. Я воротился на вершину горы и занялъ свое мѣсто подлѣ Богданова. Онъ и другіе начальники были веселы, а, глядя на нихъ, повеселѣли и всѣ. Мы были увѣрены въ побѣдѣ. Мы говорили: чего не сдѣлали ташкентцы, то сдѣлаютъ самаркандцы! Я не выпускалъ изъ рукъ пистолета. Я воображалъ, что мое оружіе будетъ бить версты на двѣ и уничтожить не одного человѣка, а десятерыхъ за-разъ. Богдановъ ¹⁾ наводилъ пушки на то мѣсто, гдѣ должны были расположиться русскіе.

Было часовъ десять утра. Появился непріятель и остановился на берегу Зеравшана. Русскіе, должно быть, тотчасъ же увидѣли насъ, потому что всѣ козырьки повернулись въ нашу сторону. Изъ толпы непріятеля выдѣлились нѣсколько сартовъ въ богатыхъ одеждахъ и направились въ намъ на Чупанаты. То были послы, отправленные эмиромъ къ генералу Кауфману для переговоровъ. Я узналъ потомъ, что эмиръ обѣщалъ впустить русскихъ въ Самаркандъ безъ боя, а въ городѣ встрѣтить ихъ и подписать мирный торговый договоръ. Пословъ радостно встрѣтили защит-

¹⁾ Впослѣдствіи Богдановъ оказалъ русскимъ громадную услугу и тѣмъ искупилъ свои преступленія.

ники, и командиры наши окружали ихъ. Мы удивлялись, что они вернулись живыми изъ русскаго лагеря. Они говорили, что генералъ послалъ ихъ узвать, почему эмиръ обманулъ его, и почему вмѣсто почетныхъ лицъ города его встрѣчаетъ войско. Такъ какъ эмира не было ни на Чупанатахъ, ни въ Самаркандѣ, то и некому было отвѣчать за него генералу. Я не помню, возвратились ли послы въ русское войско или поѣхали прямо къ эмиру въ Кермине. Наши пушки дали залпъ. Должно быть, прицѣлъ былъ хорошъ, потому что среди непріятели произошло волненіе, и русскіе отодвинулись на другое мѣсто внѣ выстрѣла. Ихъ верховые джигиты переправились на другой берегъ Зеравшана и, протянувъ за собою черезъ рѣку канатъ, привязали конецъ его къ деревьямъ. Русскіе начали переправляться, держась за канатъ и другъ за друга. Всѣ мы стрѣляли. Пушечные снаряды, кажется, перелетали черезъ головы, но ружейныя пули попадали, хотя немногія. Видно было, что то тутъ, то тамъ падалъ солдатъ, и Зеравшанъ быстро проносилъ трупы. Но это не мѣшало русскому войску двигаться впередъ. Мы удивлялись: Зеравшанъ разлился на нѣсколько рукавовъ, русскіе переходили одинъ, вступали на землю, стряхивали воду и тотчасъ же шли черезъ другой рукавъ. Точно какая-то сила несла ихъ впередъ и впередъ. Съ Чупанаты гремѣли выстрѣлы, а они часть за частью все шли. Вотъ первые вышли на равнину, бросились на спины, подняли ноги и начали ими болтать. (Выливали воду изъ сапогъ). А другіе шли и шли за ними, выходили на землю и продѣлывали то же самое. Мы подумали, что они колдуютъ. Передніе строились плотными рядами, къ нимъ примыкали рядъ за рядомъ другіе. Наши ядра перелетали имъ черезъ головы, ружейныя пули не достигали. Казалось, что это не люди, а духи войны. И вотъ они построились и двинулись на насъ. Идутъ плотною стѣною. Мы стрѣляемъ, опять стали попадать. Я самъ видѣлъ, какъ то тутъ, то тамъ упадетъ солдатъ, а они сомкнутъ рядъ и не останавливаясь прутъ впередъ, какъ будто наши выстрѣлы имъ нипочемъ. Идутъ и идутъ. Ихъ шапки съ большими торчащими козырьками (кѣпи), ихъ ноги, которыя въ видѣ частокла то поднимаются, то опускаются, наводили на насъ страхъ. Я пересталъ стрѣлять, стою, точно окаменѣлъ. Они все ближе и ближе. Слышится глухой гулъ шаговъ: тупъ-тупъ, тупъ-тупъ. Казалось, шла невѣдомая сила, которую ничѣмъ нельзя ни остановить, ни разсѣять, и которая сама раздавить и уничтожить все, что попадется ей на пути. Наши въ ужасѣ стали отодвигаться назадъ. Я помню, что въ паникѣ бросилъ свой пистолетъ и пустился бѣжать, что было силъ. Всѣ бѣжали, стараясь опередить другъ друга. Сзади слышалось ур-ра!.. Русскіе брали пустую гору, если не считать брошенныхъ пушекъ, ружей, провіанта. Насъ нѣкоторое время преслѣдовали. Сарбасы бросали не только оружіе,

но и верхнюю одежду, такъ какъ боялись, чтобы жители, узнавъ въ нихъ солдатъ, не избили ихъ за то, что они бѣжали. Они не смѣли появиться въ Самаркандѣ и разсѣялись по киплакамъ (деревнямъ) и ближнимъ городамъ. Мы же, ополченцы, бѣжали по своимъ саклямъ въ Самаркандѣ. Когда я пришелъ домой, отецъ былъ уже дома. Сначала онъ мрачно взглянулъ на меня, а потомъ подперся руками въ бока и расхохотался.

— Ай-да защитники!—крикнулъ онъ.

Молча стали обѣдать. Отецъ потрепалъ меня по плечу и опять сказалъ:

— Ну, что могли мы, неумѣлые, сдѣлать, если бухарское войско первымъ пустилось въ бѣгство?

Братъ безпокоился о томъ, что теперь будетъ. У меня въ душѣ кипѣли стыдъ и злоба, но я молчалъ. Мысли роились у меня въ головѣ, я затаилъ ихъ. Братъ совѣтовалъ намъ бѣжать изъ Самарканда, онъ указывалъ на то, что многіе бѣгутъ, кто въ сады, кто въ кишлаки. Но отецъ не былъ трусомъ и сказалъ, что нужно ждать какихъ нибудь распоряженій старшинъ и кази. Многіе дѣйствительно бѣжали, а другіе ходили по улицамъ и чего-то ждали, какъ нашъ отецъ. Братъ отправилъ въ кишлакъ жену свою и дѣтей еще наканунѣ, а теперь и самъ ушелъ, оставивъ насъ съ отцомъ ожидать событій. Большинство сосѣдей полагало, что русскіе придутъ разорять городъ, и тутъ начинались споры: одни говорили, что нужно защищать свои сакли, другіе увѣряли, что это бесполезно, потому что русскимъ помогаетъ нечистая сила.

Къ вечеру пришелъ кази. Онъ сказалъ, что старшины совѣщались, что на совѣтѣ рѣшено выбрать почтенныхъ представителей населенія, отправить ихъ чуть-свѣтъ въ русскій лагерь на Чупанаты и черезъ нихъ просить генерала Кауфмана вступить въ городъ мирнымъ путемъ и расположиться въ Самаркандѣ, какъ дома, что онъ найдетъ жителей покорными и готовыми исполнять все его требованія.

Старшины рассчитали вѣрно, что такую покорностью самаркандцы спасутъ наши славныя мечети, жилища, имущество и самую жизнь людей. Кази говорилъ, что иначе и поступать нельзя, такъ какъ войскъ въ городѣ нѣтъ, а у жителей нѣтъ ни оружія, ни умѣнья воевать.

Моего отца выбрали также въ число представителей, такъ какъ онъ былъ старъ, уменъ и богатъ. На него наложили налогъ доставить русскому войску быка. Все избранные были богатые люди, и все должны были уплатить дань русскому войску въ видѣ барановъ, риса, муки для солдатъ, клевера и ячменя для лошадей. Часть убытка, конечно, приняло на себя населеніе.

Часовъ въ восемь вечера съ Чупанатъ грянула пушка (заря), да такъ, что, казалось, весь Самаркандъ дрогнулъ. Люди выбѣжали

изъ саклей, и во всемъ городѣ поднялись крики и вопли. Всѣ поняли, какая гроза можетъ разразиться надъ городомъ.

Съ разсвѣтомъ, отославъ сперва провіантъ для войска, отправились въ лагерь и сами старшины съ выборными представителями.

Молодежь, мои сверстники и я, хотя и покорились судьбѣ, но не были довольны принятымъ рѣшеніемъ. Намъ казалось постыднымъ самимъ приглашать въ городъ опаснаго врага.

Генералъ Кауфманъ принялъ предложеніе старшинъ и выборныхъ вступить въ городъ и появился въ немъ торжественно. Впереди ѣхали представители, а за ними генералъ и войско. Многіе сарты при видѣ русскихъ кланялись, другіе убѣжали, убѣжалъ и я. Братъ, бродившій въ окрестностяхъ города, пришелъ узнать, въ чемъ дѣло. Отецъ рассказывалъ намъ, что генералъ Кауфманъ— очень добрый, хорошій человекъ, что онъ черезъ переводчика успокаивалъ населеніе, просилъ сообщить всемъ жителямъ, что онъ пришелъ съ мирными намѣреніями и приглашаетъ всѣхъ бѣжавшихъ изъ города возвратиться къ своимъ занятіямъ.

Предложеніе генерала всемъ понравилось, люди успокоились, открылся базаръ, стали торговать и работать.

Вскорѣ я узналъ, что Богдановъ пойманъ русскими на Чупанатахъ, и что онъ арестованъ.

О моемъ отцѣ не даромъ говорили, что онъ уменъ. Онъ сумѣлъ войти въ милость у русскихъ командировъ и сдѣлался поставщикомъ продовольствія для арміи; онъ честно доставлялъ свѣжій товаръ и получалъ хорошія деньги, золотомъ. Обѣ стороны были довольны. Въ Самаркандѣ вообще все шло благополучно: русскіе были добры и ласковы, за все щедро платили, сарты старались имъ угодить.

Но въ сосѣднихъ кишлакахъ и другихъ городахъ сарты волновались. Они не участвовали въ защитѣ Самарканда, а теперь выражали намъ свое неудовольствіе и упрекали въ томъ, что мы недостаточно храбро дѣйствовали на Чупанатахъ, а потомъ и совсѣмъ безъ боя отдали Самаркандъ. Они не хотѣли признать главенства русскихъ и собирались возстать и освободить городъ отъ иноземцевъ. Китабскій бекъ, или правитель, Джурабекъ, пользовался славою умнаго и храбраго человека. Онъ-то и подстрекалъ къ непокорности. Онъ собиралъ войско и черезъ джигитовъ приглашалъ и самаркандцевъ подъ свое начальство. Я убѣжалъ къ Джурабеку. Онъ повелъ собранное имъ войско на гору Каратюбе, верстахъ въ сорока отъ Самарканда, куда ожидали прибытія еще отрядовъ ополченія изъ ближнихъ кишлаковъ. Русскіе какъ-то узнали объ этомъ. Генералъ выслалъ отрядъ разогнать шайку Джурабека. Русскимъ приходилось итти черезъ рѣку Доргомъ. Тутъ было селеніе Мухалинской волости, и сады селенія примыкали къ дорогѣ. Мухалинцы сломали мостъ черезъ Доргомъ, чтобы задержать рус-

скихъ, но это ихъ не остановило. Они перешли рѣку въ бродъ и стали подниматься на Каратюбе. Мы увидѣли сверху опять плотную стѣну солдатъ, которая, казалось, дойдетъ до насъ и раздавить. Наши наѣзники выскакивали вразсыпную, стрѣляли въ нихъ и скакали назадъ заряжать ружья, а русскіе всё шли. Когда они подошли на выстрѣлъ и дали залпъ, когда кое-кто изъ нашихъ упалъ или убитымъ, или раненымъ,—Джурабекъ ускакалъ, а вся шайка его разсѣялась. Многіе бѣжали въ сады Мухалинской волости, въ числѣ ихъ и я. Мухалинцы ждали насъ, какъ побѣдителей, но узнавъ, что Джурабекъ бѣжалъ, возмущались его поступкомъ и сами взяли за оружіе. Они рассчитывали стрѣлять изъ засадъ въ то время, когда отрядъ будетъ возвращаться, и уничтожить его. Мы присоединились къ нимъ. Всѣ засѣли, насъ было человѣкъ до пятисотъ, кто притаился у щелей дувала (глинянаго забора), кто вскарабкался на деревья и спрятался въ густыхъ вѣтвяхъ, кто прилегъ на плоскихъ крышахъ саклей.

Русскіе ничего не подозрѣвали. Когда отрядъ возвращался, они шли весело, свободно, даже пѣли пѣсни, а когда проходили мимо дувала садовъ, ихъ осыпали выстрѣлами: убили переводчика, нѣсколькихъ солдатъ и ранили двухъ офицеровъ. Я стоялъ у дувала, выстрѣлилъ въ кого-то и хотѣлъ вновь заряжать ружье, какъ надъ самой моей головой раздались крики: ура! Русскіе лѣзли черезъ дуваль. Они не убѣжали и не разсѣялись отъ нашихъ выстрѣловъ, а рѣшились наказать мухалинцевъ. Они были разсержены и не щадили никого, не обращали вниманія ни на полъ, ни на возрастъ. Шла охота. Солдаты бѣгали по садамъ, ловили нашихъ, били прикладами, кололи штыками, стрѣляли въ тѣхъ, что сидѣли на деревьяхъ. Было избито до трехсотъ человѣкъ, считая женщинъ и дѣтей. Искали виновныхъ по саклямъ, но кто успѣлъ убѣжать, былъ въ это время далеко. Я попался офицеру, который хотѣлъ застрѣлить меня изъ револьвера, но я бросилъ ружье и сложилъ руки, ставъ передъ нимъ на колѣни. Онъ велѣлъ связать меня и вести въ Самаркандъ. Я сознался, что я самаркандецъ, изъявившій покорность. Меня посадили въ тюрьму.

Отецъ, узнавъ объ этомъ, сталъ хлопотать и просить за меня, ссылаясь на мою молодость и глупость. Командиры, знавшіе отца лично, сжалились и отдали меня ему на поруки.

Я далъ отцу слово сидѣть тихо дома и торговать въ лавкѣ. Я старался сдержать слово и въ возстаніи другихъ волостей, посылавшихъ шайки, не участвовалъ.

Но я былъ дѣйствительно глупъ и молодъ. Я увлекался.

Джурабекъ, хотя и былъ разбитъ на Каратюбе, но не оставлялъ своего намѣренія помѣряться съ русскими. Онъ работалъ втайнѣ. Вошелъ въ сношенія съ чиликскимъ бекомъ, Омаръ-бекомъ, съ шахрисябскимъ Баба-бекомъ и съ Омаромъ-Хаджой. Омаръ-Хаджа

былъ имамъ, потомокъ святого Мартумъ-Азамъ. Его всѣ уважали и слушались. Онъ жилъ въ Дагбитѣ (селеніе верстахъ въ двадцати отъ Самарканда). Между ними шли тайные переговоры. Въ Самаркандѣ жили персіянинъ Абдуль-Саматъ, мирохуръ (полковникъ при прежнемъ самаркандскомъ бекѣ), и Шукуръ-бекъ (правитель, бывший давно въ отставкѣ). Этихъ двухъ вліятельныхъ лицъ Омаръ-Хаджа, должно быть, склонилъ на свою сторону, и всѣ замѣтили, что къ нимъ часто ночью пріѣзжали джигиты отъ Омара-Хаджи. Въ Дагбитѣ, въ домѣ Омара-Хаджи, происходили совѣщанія, куда съѣзжались беки и самаркандскіе Абдуль-Саматъ съ Шукуръ-бекомъ. Мы ничего не знали, а только догадывались, что готовится нѣчто. Я сторалъ любопытствомъ, и во мнѣ снова проснулся духъ войны. Наконецъ стали распространяться слухи, что готовится большое общее возстаніе, и ждуть только удобнаго случая. Я охотно сталъ сидѣть въ лавкѣ цѣлые дни, такъ какъ новости можно было услышать скорѣе всего на базарѣ. Новости чаще всего разносили диваны, или дуваны (юродивые). Они поютъ священныя пѣсни, говорятъ тексты изъ корана, укоряютъ людей за грѣхи, проповѣдуютъ раскаяніе и жизнь по корану. Иногда рассказываютъ сказки религіознаго содержанія. Живутъ же они подаеніемъ. Дивано носятъ такую странную одежду, что отличается отъ всѣхъ, и его можно издали узнать. Напримѣръ, носятъ рубаху, сшитую изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, шапку въ видѣ колпака съ сахарной головы, желтую, красную, иногда съ бубенчиками на концѣ, халатъ половина желтый, половина синій, ходитъ дивано почти всегда босой, даже и зимою.

Въ то время, какъ готовилось возстаніе, особенно много появилось юродивыхъ. Диваны запѣли совсѣмъ новыя пѣсни. Они стали проповѣдывать возстаніе, говорили горячо, настраивали жителей на воинственный ладъ, клеймили позоромъ тѣхъ, кто колеблется принять участіе въ общемъ народномъ движеніи. Молодежь жадно слушала ихъ, каждый сартъ старался уловить такого дивано и заставить его говорить передъ своей лавкой. Ихъ угощали, имъ давали денегъ гораздо больше, чѣмъ обыкновенно. Можетъ быть, тутъ были не все настоящіе диваны: такъ умно могли говорить только муллы да студенты, ученики, живущіе въ медресе.

Русскіе не знали ничего, они не понимали нашего языка и не могли прислушиваться къ толкамъ на базарѣ. Иногда солдатъ или офицеръ проходилъ мимо дивана въ то время, когда тотъ взывалъ къ поголовному истребленію русскихъ, но, не зная сартскаго языка, проходившій поневолѣ былъ глухъ. Иногда же, если горячая рѣчь съ восклицаніями и жестами обращала на себя вниманіе когонибудь изъ русскихъ, и насъ спрашивали, указывая на дивана, что онъ говоритъ,—то обыкновенно ктонибудь указывалъ на небо и отвѣчалъ: Алла, Магометъ. Мы, не зная русскаго языка,

догадывались, о чем спрашиваетъ русскій, по жестамъ, а онъ, зная слова Алла и Магометъ, понималъ, что ему отвѣчаютъ, и съ улыбкой кивалъ головою. Бывало и такъ, что недогадливые ничего не отвѣчали, а только отрицательно качали головами. Русскіе и за это не сердились, они знали, что всякій изъ насъ выучился говорить по-русски только то, что ему нужно было для торговли. Я, напримѣръ, узналъ: говядина, баранина, сало, пудъ, фунтъ, рубли, копейки, а больше ничего; продавецъ матерій зналъ: шелкъ, мата, адрасъ, аршинъ, рубли, копейки; также и другіе. Проповѣди юродивыхъ пробудили чуть не во всемъ городѣ геройскій духъ и ненависть къ русскимъ, такъ какъ съ базара новости разносились по домамъ и обсуждались въ семьяхъ. Но русскимъ не давали замѣтить нашего настроенія; съ ними были вѣжливы и предупредительны.

Я съ отцемъ ничего не говорилъ о готовящемся возстаніи, а онъ притворялся, что ничего не знаетъ, и продолжалъ доставлять русскому войску провіантъ.

Всѣ ждали со дня на день объявленія возстанія.

Почти мѣсяцъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ русскіе заняли Самаркандъ. Въ это время генераль Кауфманъ вынужденъ былъ нѣсколько разъ высылать отряды для усмиренія возставшихъ волостей и успѣвалъ въ этомъ. Представивъ себѣ, что жители Самарканда совершенно покорны, а окружающія волости усмирены, генераль въ послѣднихъ числахъ мая отправился съ войскомъ въ Катта-Курганъ, гдѣ долженъ былъ встрѣтить эмира. Въ Самаркандѣ же въ крѣпости оставилъ только одинъ (VI-й) баталіонъ. Это было признано удобнымъ случаемъ. Всѣ понимали, что дѣло освобожденія должно совершиться теперь, иначе мы не освободимся никогда. Тотчасъ по уходѣ генерала намъ было объявлено, чтобы мы вооружались, что нами будетъ руководить Омаръ-Хаджа, сборный пунктъ назначенъ близъ Чупанатъ, а день—2-е іюня. Муллы, объявляя такое рѣшеніе главарей возстанія, разъяснили при этомъ и планъ дѣйствія.

Они слышали, что генераль ѣдетъ въ Катта-Курганъ для подписанія мирнаго договора, но думали, что эмиръ обманетъ, какъ это было передъ Самаркандомъ. Они были увѣрены, что эмиръ вмѣсто подписанія торговаго мирнаго договора въ Катта-Курганѣ встрѣтитъ генерала Кауфмана у стѣнъ города съ войскомъ и разобьетъ его. Мы же, въ числѣ сорока тысячъ человекъ, уничтожимъ оставленный баталіонъ и двинемся въ тылъ непріятели. Ну, что такое одинъ баталіонъ?—думали мы:—махнемъ рукой, и его не будетъ!

Приготовление кипѣло. Богатые сарты зарывали свои цѣнныя вещи въ ямы, скотъ угнали въ камыши и сады, женъ и дѣтей отправили на арбахъ въ сосѣдніе кишлаки или сады. Люди вооружились, кто чѣмъ могъ. Мы снова были увѣрены въ побѣдѣ. Я ногъ подъ собою не слышалъ, а леталъ, какъ на крыльяхъ.

Передъ отъѣздомъ генераль Кауфманъ собралъ участковыхъ и волостныхъ старшинъ и объявилъ имъ, что онъ оставляетъ городъ спокойнымъ и возлагаетъ на нихъ обязанность смотрѣть за порядкомъ въ своихъ участкахъ. Въ случаѣ же появленія какой нибудь шайки немедленно давать знать барону Штемпелю, коменданту крѣпости, чтобы онъ могъ разсѣять её. Въ противномъ случаѣ участковымъ грозила личная отвѣтственность. Тѣ дали обѣщаніе строго слѣдить. Вѣроятно, вслѣдствіе такого распоряженія генерала и обѣщанія старшинъ, оставшіеся русскіе были увѣрены въ своей безопасности и не обращали вниманія на то, что тотчасъ же послѣ выступленія генерала въ городѣ началось большое движеніе, люди сновали туда и сюда, скрипѣли арбы, отвозившія женъ, дѣтей и домашній скарбъ, блеялъ и мычалъ скотъ, прогоняемый за городъ. Скакали джигиты въ разные концы.

Мой отецъ долженъ былъ доставить 2-го іюня въ крѣпость нѣсколько барановъ, но вечеромъ 1-го числа скрылся. Всѣ сарты заперли свои лавки на базарѣ, съ тѣмъ, чтобы не отпирать ихъ, пока всё не успокоится. Оставили русскихъ безъ съѣстныхъ припасовъ и въ ночь на 2-е іюня отвели отъ крѣпости воду. Въ ту же ночь всѣхъ, у кого не было оружія, собрали въ мечеть Руговодъ, и тамъ Шукуръ-бекъ и мирохуръ вооружали народъ. Кому досталось ружье, кому ножъ, кому палка съ металлическимъ шаромъ на концѣ. Тотчасъ же послѣ вооруженія всѣ отправились къ сборному пункту.

Утромъ 2-го іюня мы подошли къ городу и, раздѣлившись на три части, стали одновременно съ трехъ разныхъ сторонъ входить въ Самаркандъ. Нами, самаркандцами, командовалъ Омаръ-Ходжа. Старшины, чтобы спасти свои головы, побѣжали въ крѣпость предупредить коменданта тогда уже, когда мы входили въ городъ. Вслѣдствіе этого предупрежденія одна или двѣ роты русскихъ солдатъ вышли изъ крѣпости разсѣять, какъ они думали, шайку, но, завидѣвъ входящую массу непріятели, убѣжали назадъ въ крѣпость и уже не выходили во всё время возстанія ¹⁾. Мы, однако же, стрѣляли въ нихъ, нѣсколько человекъ упало, но упавшихъ русскіе подхватили и унесли съ собою.

Мы остановились въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крѣпости. Беки взобрались на медресе и оттуда командовали. Изъ нашей конницы выскакивали впередъ человекъ по пятидесяти, стрѣляли въ крѣпость и тотчасъ же скакали назадъ заряжать ружья. Ихъ замѣняли другіе, тамъ третьи, чтобы не давать русскимъ покоя. Пѣшіе

¹⁾ Въ Самаркандѣ и особенно въ VI-омъ баталіонѣ, стоящемъ выѣвъ въ г. Ошѣ, защиту Самаркандской крѣпости со всѣми лишениями, которыя претерпѣвали осажденные и при громадномъ числѣ осаждавшихъ, называютъ «семидневнымъ сидѣніемъ».

также выдвигались впередъ, стрѣляли и прятались заряжать ружья. Омаръ-Ходжа приказалъ намъ, самаркандцамъ, занять лавченки, прислоненныя къ крѣпостной стѣнѣ, и оттуда стрѣлять въ щели стѣны прямо въ крѣпость. Въ мирное время въ этихъ лавченкахъ торговали мелочами, но теперь онѣ были пусты. Намъ велѣно было также, если возможно, просверлить съ осторожностью, чтобы русскіе не замѣтили, ходъ черезъ стѣну въ крѣпость. Мы заняли всѣ лавки и такимъ образомъ окружили крѣпость. Намъ было очень удобно. Выстрѣлы насъ не доставали, мы же свободно могли стрѣлять. Въ старой глиняной стѣнѣ щелей было много. Въ той лавкѣ, гдѣ я сидѣлъ съ товарищами, крѣпостная стѣна давала широкую и глубокую трещину. Мы перестали стрѣлять и занялись увеличеніемъ этой трещины и очисткою ея отъ глины. Наши ножи усердно работали. Около стѣны можно было перебѣгать изъ сакли въ саклю, не боясь выстрѣловъ. Изъ крѣпости насъ не было видно. Товарищи заглянули къ намъ. У насъ появилась желѣзная лопата и китмень. Всѣ понимали, какую важную работу мы начали. Мы хотя и торопились, а все-таки работали осторожно, чтобы насъ не замѣтили и не услышали изъ крѣпости раньше времени. Рѣшили прорыть коридоръ, черезъ который одинъ за другимъ мы могли бы незамѣтно очутиться въ крѣпости цѣлою массою. Товарищи сообщили намъ, что съ противоположной стороны крѣпости сарты сломали ворота и уже овладѣли единственною бывшею тамъ пушкою, и что русскіе всѣ заняты тамъ. Мы стали смѣлѣе постукивать лопатою. Всѣ хотѣли съ нетерпѣніемъ броситься на русскихъ съ этой стороны. Стѣна въ этомъ мѣстѣ была сажени двѣ толщиною. Мы работали попеременно. Я отдыхалъ въ саклѣ, когда проходъ былъ готовъ. Вотъ поползли наши, и одинъ за другимъ исчезали въ проходѣ, было тихо. Мы думали, что русскихъ тутъ совсѣмъ не было, и что наше дѣло удастся. Человѣкъ сто, должно быть, исчезло за стѣною. Я пробился черезъ толпу и тоже поползъ, но не успѣлъ я допознати какой нибудь аршинъ до выхода, какъ услышалъ шумъ, крики, стоны. Я хотѣлъ двинуться назадъ, но ноги мои оперлись въ чью-то голову, кто-то ползъ за мною. Въ ту же минуту одинъ изъ товарищей, бывшихъ въ крѣпости, захотѣлъ спастись и бросился въ проходъ, чтобы выползти назадъ, но стукнулся головою о мою голову и остался въ такомъ положеніи. Его русскіе за ноги вытащили на расправу. Я далъ пинка ногою въ голову того, кто слѣдовалъ за мною, и почувствовалъ, что проходъ освободился; пятясь я выбрался въ лавку и увидѣлъ страшную картину. Черезъ стѣну изъ крѣпости на площадь летѣли сарты. Стариковъ выбрасывали убитыми, а молодыхъ живыми, и эти молодые всѣ подѣлались калѣками: кто руки сломалъ, кто ногу, спину, а нѣкоторые разбивали черепъ и тутъ же умирали. Больше никто не отваживался ползти къ русскимъ, да они и проходъ завалили мѣш-

нами съ землей. Въ сакляхъ почти никого не осталось, но вскорѣ по распоряженію начальства лавченки снова были заняты, но мы почти не стрѣляли, а жались къ боковымъ стѣнкамъ, потому что русскіе догадались, въ чемъ дѣло, сами высматривали щели и падали въ насъ.

Къ вечеру я сильно усталъ, да и всѣ устали. Послѣ намаза мы стали отдыхать и не ходили больше къ крѣпости.

Ночью наши сторожевые по дорогѣ къ Катта-Кургану поймали русскаго джигита, посланнаго къ генералу Кауфману, вѣроятно, съ извѣстіемъ, что въ Самаркандѣ возстаніе. Бумаги отобрали, джигита убили.

Утромъ, когда я проснулся, то увидѣлъ въ крѣпости перемѣну. Всѣ наши лавченки кругомъ стѣны были уничтожены, а тѣ пушки, что мы бросили на Чупанатахъ, виднѣлись теперь на крѣпостной стѣнѣ. Мы поняли, что русскіе приготовились, и съ ними будетъ трудно справляться. Они теперь слѣдили за нами. Одинокихъ наѣздниковъ, скакавшихъ для выстрѣла, они ловко снимали съ сѣдла ружейными пулями, а пѣхотинцевъ, двигавшихся толпой, разбивали и разсѣивали выстрѣломъ изъ пушки. Наша увѣренность пропала, и мы стали дѣйствовать осторожнѣе: близко къ стѣнѣ никто не могъ приближаться.

Джурабекъ вызывалъ охотниковъ подкопать съ одной стороны стѣну крѣпости и повалить ее, но охотниковъ не нашлось. Между нимъ и Омаръ-Хаджею произошла ссора. Омаръ-Хаджа назначилъ отрядъ изъ самаркандцевъ для этой цѣли. Я примкнулъ къ партіи. Намъ повелъ Усманъ. Мы пробрались благополучно къ стѣнѣ и принялись рыть на большомъ протяженіи, разсѣлись, можетъ быть, на полуверсту. Ружейные выстрѣлы насъ не хватали, и дѣло шло сперва успѣшно, но потомъ русскіе стали бросать въ насъ отвѣсно со стѣны ручными гранатами¹⁾. Я помню, что схва-

¹⁾ Крѣпость спасъ тогда Богдановъ. Онъ все еще находился подъ арестомъ. Нѣсколько разъ онъ порывался встать въ ряды защитниковъ крѣпости, но его не выпускали, ему не довѣряли. Когда же сарты стали подкопывать стѣну, и осажденные стали поговаривать, что прогнать ихъ вылазкою по малочисленности невозможно, а выстрѣлы со стѣны бесполезны, и стали готовиться умереть поголовно съ оружіемъ въ рукахъ, Богдановъ выпросился изъ-подъ ареста, давъ слово разсѣять сартовъ, подкопывавшихъ стѣну. Онъ взялъ ручныя гранаты, подвинулся на выступъ стѣны настолько, чтобы не быть мишенью для выстрѣловъ снизу караулившихъ сартовъ съ готовыми ружьями, и принялся бросать гранаты отвѣсно за стѣну. Такъ прошелъ онъ отъ бухарскихъ воротъ къ самаркандскимъ сажень триста, на всемъ протяженіи, гдѣ работали сарты. Рабочіе дѣйствительно частью были перебиты, частью убѣжали. Устрашенные сарты работъ своихъ не возобновляли. Этимъ поступкомъ Богдановъ загладила свою вину въ прошломъ. Его не только простили, но и наградили Георгіемъ.

Эпизодъ этотъ передавъ былъ мнѣ отставнымъ унтеръ-офицеромъ 6-го баталіона, Василіемъ Петровымъ, рассказъ котораго я помѣстила въ «Туркестанскомъ Литературномъ Сборникѣ» въ 1899 году.

Л. Симонова.

тилъ одну такую гранату и бросилъ въ арыкъ, но я помню также, что Усманъ и многіе другіе были убиты, многіе ранены, только нѣсколькимъ человѣкамъ удалось убѣжать и въ томъ числѣ мнѣ. Болѣе никто не хотѣлъ итти на вѣрную смерть, продолжать начатое дѣло.

Джурабекъ говорилъ сначала, что будто бы старшій сынъ эмира, который былъ въ ссорѣ съ отцомъ, идетъ къ намъ на помощь съ войскомъ, что онъ возьметъ Самаркандъ и станетъ самаркандскимъ эмиромъ. Но это оказалось невѣрнымъ. Мы узнали, что сынъ эмира, поссорившись съ отцемъ, убѣжалъ въ Персію.

Джурабекъ очень сердился, что никто нейдетъ къ намъ на помощь, что самаркандцы дѣйствуютъ не довольно энергично, и что наконецъ его сарбасы (солдаты) ропщутъ на бесплодную войну. Бабабекъ во всемъ соглашался съ нимъ. Я не помню; на третій день или на четвертый оба бека со своими войсками ушли. Но передъ уходомъ сарбасы ихъ разграбили городъ. Они бѣгали изъ сакли въ саклю и забирали съ собою все, что попадалось подъ руку: ишаковъ, лошадей, верблюдовъ, одежду, провизію. Не обошлось безъ драки и безъ убійствъ. Самаркандскіе ополченцы и тѣ жители, которые не принимали участія въ возстаніи и оставались въ городѣ, сопротивлялись сарбасамъ, защищали свое имущество, такъ что на это утро война была перенесена въ самый городъ и сарты били сартовъ. Крики, суматоха, шумъ, я думаю, были слышны въ крѣпости.

Послѣ ухода бековъ Омаръ-Хаджа раздѣлилъ насъ по частямъ и выбралъ начальниковъ, а самъ остался во главѣ движенія.

Почти каждую ночь наши сторожевые по дорогѣ въ Катта-Курганъ ловили русскихъ джигитовъ, посланныхъ къ генералу Кауфману. Мы заботились, чтобы до генерала не дошли вѣсти о томъ, что дѣлается въ Самаркандѣ. Хотя русскіе держались твердо, но у нихъ не было ни воды, ни провіанта, и рано или поздно они должны были или умереть съ голода и жажды или сдаться. Еще Джурабекъ посылалъ имъ предложеніе сдаться и обѣщалъ всѣхъ оставить живыми, но ни при Джурабекѣ, ни послѣ него они не сдавались.

Дня три подъ командою Омаръ-Хаджи мы подходили къ крѣпости и стрѣляли въ русскихъ, а они попрежнему отстрѣливались, и не замѣтно было, чтобы они унывали или дѣлались вялыми.

Секретный джигитъ, котораго посылалъ Омаръ-Хаджа въ Катта-Курганъ, привезъ извѣстіе, что генералъ Кауфманъ и эмиръ бухарскій заключили миръ и подписали торговый договоръ, и что генералъ Кауфманъ собирается возвратиться съ войскомъ въ Самаркандъ. А велѣдъ за этимъ извѣстіемъ возвратился и самъ генералъ. Омаръ-Хаджа убѣжалъ въ Бухару, и многіе начальники разбѣжались. Оставшіеся въ Самаркандѣ ополченцы, не хотѣвшіе сложить оружіе, дрались съ русскими на улицахъ города.

Да, воевать съ горстью русскихъ, которыхъ мы думали смахнуть рукою, оказалось не такъ-то легко! Въ городѣ генераль дворилъ спокойствіе. Муллы намъ сказали, что хотя Самаркандъ и усмиренъ, но вредить русскимъ еще можно инымъ способомъ: ходить небольшими отрядами по дорогамъ, отбивать ихъ провіантъ и уничтожать тѣхъ солдатъ, которые будутъ сопровождать этотъ провіантъ. Не знаю, сколько составилось такихъ отрядовъ, только партія сартовъ, къ которой я присоединился, состояла изъ семнадцати человѣкъ.

Мы узнали, что около Каршей казаки скупаютъ клеверъ и другіе продукты. Мы отправились къ Каршамъ съ намѣреніемъ не дать этому обозу дойти до русскихъ. Мы засѣли въ киплакѣ (деревнѣ) Шурча, мимо котораго долженъ былъ прослѣдовать обозъ, и стали ждать. Жители киплака боялись впустить насъ къ себѣ, чтобы потомъ не отвѣчать за это дѣло передъ русскими, но позволили поставить шалашъ вблизи киплака у самой дороги и дали намъ лепешекъ. У всѣхъ насъ были заряженные ружья. Мы надѣялись дѣло свое выполнить въ точности, тѣмъ болѣе, что слышали, будто бы обозъ будутъ сопровождать пять—шесть казаковъ, не болѣе.

Цѣлый день мы караулили, наступила ночь, мы боялись заснуть, чтобы не пропустить русскихъ. Вотъ наконецъ показался обозъ. Мы услышали скрипъ арбяныхъ колесъ и голоса русскихъ. Впереди ѣхали верхомъ трое казаковъ. Въ темнотѣ нельзя было разсмотрѣть, сколько всѣхъ казаковъ было при обозѣ. Мы выскочили изъ шалаша и выстрѣлили въ передовыхъ. Кто-то изъ товарищей схватилъ подъ уздцы первую лошадь и остановилъ обозъ. Въ насъ посыпались выстрѣлы. Казаковъ оказалось человѣкъ двадцать пять. Семеро изъ насъ успѣли убѣжать, а десять были убиты и ранены.

Это была послѣдняя затѣя противъ русскихъ, въ которой участвовалъ сартъ Комель-бой.

Разсказчикъ былъ осужденъ на каторжныя работы въ Сибири за ограбленіе и убійство одного богатаго сарта.

Онъ отбылъ срокъ каторги и поселенія и теперь свободенъ.

Первые годы я работалъ въ рудникахъ Алгачъ,—разсказывалъ Комель-бой,—потомъ жилъ работникомъ въ деревняхъ по р. Чикою. Крестьянскій трудъ казался мнѣ очень тяжелымъ, и какъ только можно было перебраться въ городъ, я нашелъ мѣсто сторожа при троицкосавскомъ полицейскомъ управленіи, гдѣ служу и до сего дня.

Семнадцать лѣтъ тому назадъ Комель-бой принялъ православіе и женился на крестьянкѣ изъ деревни Беллютъ. Настоящее имя его—Константинъ Богдановъ. По общимъ отзывамъ, онъ хорошій старикъ, честный и трезвый, серьезно относящійся къ своимъ обязанностямъ.

Я спросила его, не желалъ ли бы онъ вернуться въ Самаркандъ къ своимъ сартамъ. Онъ отвѣчалъ отрицаніемъ.

— Теперь, — сказалъ онъ, — я русской вѣры, жена у меня русская, есть двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка. Я очень люблю своихъ дѣтей и жену. Моя баба работающая, добрая, мы живемъ дружно. Зачѣмъ мнѣ уходить? Да тамъ теперь никого и не осталось у меня. Отецъ, вѣроятно, умеръ давно, а братъ не любилъ меня и прежде. Я писалъ отцу два раза отсюда, но не получилъ отвѣта. Конечно, онъ давно умеръ, онъ и тогда былъ старикъ. Первые годы мнѣ здѣсь казалось очень холодно, но затѣмъ я привыкъ. Къ тому же есть шуба, теплая изба, горячая пища...

II.

Рассказъ Магомета Суфи, самаркандскаго жителя, ткача шелковыхъ матерій.

Мнѣ было лѣтъ двадцать, когда русскіе брали Самаркандъ. Отецъ мой Магометъ-Джоу былъ муллою и имамомъ въ мечети. Я только что женился. Мы жили безбѣдно. Отецъ мой получалъ съ каждаго дома прихожанъ по 2 рубля въ годъ и, кромѣ того, за требы: обрѣзаніе, свадьбы и проч., особо. Я сѣялъ хлѣбъ, косилъ клеверъ. Молоденькая жена моя, ей было всего четырнадцать лѣтъ, вела наше небольшое хозяйство и разводила шелковичныхъ червей. Она пряла шелкъ, а я ткалъ матеріи и продавалъ баямъ, скупщикамъ. Я умѣлъ красить шелкъ и составлять узоры. Всѣ мы трое смотрѣли за садомъ и лѣтомъ выбирались на житье въ садъ, верстахъ въ трехъ отъ города.

За нѣсколько дней передъ приходомъ русскихъ отецъ пріѣхалъ (верхомъ на ишакѣ) изъ города въ садъ, крайне взволнованный. Онъ рассказалъ, что былъ на сходѣ въ медресе Тилла-Кари. Тамъ узналъ онъ, что бухарскій эмиръ Музафаръ вмѣстѣ съ самаркандскимъ бекомъ Ширъ-Али-Инакомъ продали Самаркандъ русскимъ и не хотятъ защищать свою родину, вѣру и святую мечети, но народъ собирается собственными силами помѣряться съ непріателемъ. Рѣшено, что всякій честный человѣкъ долженъ вооружиться и идти по первому зову вмѣстѣ съ другими на Чупанаты встрѣтить непрощенныхъ гостей, и что мы, какъ и другіе честные люди, также идемъ.

Конечно, обвиненіе эмира въ продажѣ Самарканда оказалось клеветою. Но мы поняли это только тогда, какъ мы увидели, что бухарское войско, стоявшее лагеремъ близъ Самарканда въ числѣ 12.000 человѣкъ, вышло съ нами на Чупанаты, да, кромѣ того, къ намъ прибыли два полка, одинъ изъ Корковъ, другой изъ Чарджуя.

Въ назначенное время мы съ отцомъ двинулись къ сборному пункту и встали подъ начальство Усмана. У насъ было нѣсколько человѣкъ русскихъ, но я помню ясно только двоихъ: длиннаго худого Усмана и невысокаго толстаго Богданова съ бѣлымъ лицомъ и румяными щеками. Богдановъ, какъ артиллеристъ, поднялся на гору, гдѣ были поставлены наши пушки. Усманъ съ своимъ войскомъ всталъ за горою.

Я хорошо помню, какъ пришли русскіе, какъ переправились черезъ рѣку Зеравшанъ, и какъ въ нихъ стрѣляли съ горы. Мы все хорошо видѣли, но русскіе насъ не видали. Голова нашего войска скрывалась за кустами, а хвостъ былъ за горой. Мы долго стояли и не двигались и не стрѣляли. Усманъ строго запретилъ намъ подавать хотя бы малѣйшіе признаки жизни. Вотъ наконецъ осталось немного солдатъ, какъ я узналъ потомъ, одинъ 6-й баталіонъ и весь обозъ. Усманъ проѣхалъ вдоль своего войска и сказалъ, что теперь настало время намъ поработать, разсѣять оставшихся солдатъ и овладѣть обозомъ. Онъ скомандовалъ: «айда», и съ криками: «уръ-уръ!» бросились мы изъ своей засады. Насъ увидали казаки и не допустили близко къ обозу, а солдаты въ насъ стали стрѣлять. Наши разсѣялись по полю и изъ-за кустовъ и изъ камышей стали стрѣлять въ русскихъ въ одиночку. Отецъ былъ раненъ въ ногу и упалъ. Я съ товарищами подхватили его и унесли. Мы хотѣли занести его въ городскую саклю, но онъ приказалъ нести себя въ камыши, подальше отъ Чупанатъ. Мы положили его въ такіе высокіе камыши, въ которыхъ человѣкъ верхомъ могъ бы свободно скрыться. Хотя тамъ и было безопасно, но отецъ всячески удерживался, чтобы не стонать, а нога у него сильно болѣла; онъ метался, не находя мѣста, какъ бы удобнѣе ее положить. Я хотѣлъ уйти посмотрѣть, какой обозъ достался нашимъ, и что сдѣлалось съ русскими. Но отецъ взялъ меня за руку и потянулъ внизъ, приказывая жестомъ лечь рядомъ съ нимъ. Въ камышахъ то тутъ, то тамъ слышались осторожные голоса: оказалось, что многіе прятались тамъ. Вскорѣ выстрѣлы смолкли, но послышался конскій топотъ, который все приближался къ намъ. Сквозь камыши мы увидѣли бухарскихъ сарбасовъ, которые скакали прямокомъ черезъ камышъ, куда глаза глядятъ. Казалось, они думали только о томъ, какъ бы подальше уйти. Они не похожи были на побѣдителей, мы это поняли.

Мимо насъ пробѣгалъ сосѣдъ. Я узналъ его и остановилъ. Онъ такъ запыхался, что первое время не могъ говорить, а потомъ рассказалъ, что самаркандцы и войска бѣжали, а русскіе заняли Чупанаты. Къ намъ подползли осторожно еще сарты. Отцу принесли воды, онъ очень пить хотѣлъ, обмыли ему рану и перевязали ногу. Кто-то раздобылся лепешками. Вечеромъ изъ русскаго лагеря грянулъ такой пушечный выстрѣлъ, что, казалось, вся земля подъ камышами вздрогнула.

Утромъ отецъ еще не могъ вставать и меня не отпускалъ отъ себя. Нѣкоторые сарты изъ камышей осторожно пробирались въ городъ, другіе приходили изъ города къ намъ и рассказывали все, что тамъ дѣлается. Такъ, не бывши въ Самаркандѣ, мы узнали, что войскъ въ Самаркандѣ не было, всѣ бѣжали, что жители понимали бесполезность дальнѣйшаго сопротивленія и рѣшили пригласить генерала занять городъ безъ боя, а старшины и выборные представители ходили на Чупанаты изъяснить генералу Кауфману покорность городского населенія. Теперь отецъ не удерживалъ меня болѣе. Я убѣжалъ въ городъ, на базаръ. На всѣхъ улицахъ, а главное на базарѣ толпился народъ. Всѣ ждали проѣзда генерала. Люди волновались, каждому хотѣлось пробраться впередъ. Вотъ наконецъ торжественный въѣздъ достигнулъ базара. Впереди ѣхали наши выборные въ богатыхъ одеждахъ, за ними генералъ съ переводчикомъ, а потомъ шло войско. Генералъ былъ невысокаго роста и худощавый. Онъ отвѣчалъ на поклонны сартовъ и внимательно смотрѣлъ въ толпу. Посреди базара онъ остановился. Выборные окружили его, переводчикъ всталъ рядомъ. Вотъ что сказалъ онъ черезъ переводчика: «пусть жители не боятся, пусть каждый примется за свои занятія, пусть промыслы и торговля идутъ тѣмъ же путемъ, какъ и прежде. Скажите бѣглецамъ, чтобы спокойно возвратились въ свои жилища. Русскіе не будутъ разорять васъ, а напротивъ спасать отъ разоренія. Наши войска будутъ оберегать Самаркандъ отъ внѣшнихъ враговъ».

Рѣчь генерала на всѣхъ произвела сильное впечатлѣніе, всѣ повѣрили ему. Отецъ былъ очень доволенъ, когда я прибѣжалъ къ нему въ камыши и передалъ слова генерала. Тотчасъ же онъ попросилъ перенести его въ городскую саклю. Прежде всего въ городъ возвратились тѣ, что прятались въ камышахъ и въ сосѣднихъ садахъ, а затѣмъ стали появляться бѣглецы и изъ дальнихъ мѣстъ. Я сходилъ за женою въ сосѣдній кишлакъ, куда отвезъ ее за день до прихода русскіхъ. Заскрипѣли арбы съ женами и дѣтьми, потянулись воза съ имуществомъ, опустѣлыя сакли стали наполняться людьми. Открылся базаръ и мы зажили, какъ прежде.

Русскіе расположились лагеремъ неподалеку отъ крѣпости, а въ крѣпости положили больныхъ и раненыхъ, устроили тамъ лазаретъ. Въ городѣ было совсѣмъ спокойно, но въ волостяхъ жители поднимали возстаніе, какъ, напримѣръ, въ Мухалинской волости и въ Ургумѣ. Генералъ посылалъ отрядъ и усмиралъ ихъ.

Отецъ долго болѣлъ, но, несмотря на боль въ ногѣ, онъ все-таки черезъ недѣлю началъ вставать и ходить, прихрамывая и опираясь на палку. Недѣли черезъ три только онъ могъ ѣздить въ городъ и исполнять свои обязанности имама и муллы.

Мы жили въ саду. Я почти каждый день возилъ на ишакѣ русскимъ офицерамъ фрукты. Они всегда брали все, что я при-

возилъ, да еще часто заказывали то персиковъ, то винограду, то дынь. Имъ же я продалъ два куска шелковой матеріи, которая у меня оставалась отъ прошлаго года. Они заплатили мнѣ гораздо дороже, чѣмъ наши купцы. Вообще наша торговля поднялась. Русскому войску нужно было доставлять и мясо, и рисъ, и муку, и клеверъ, и ячмень. За все они хорошо платили.

Прошло около мѣсяца. Отецъ что-то сталъ возвращаться изъ города хмурымъ. Я думалъ, у него опять нога сильнѣе разболѣлась. Въ городѣ стали ходить слухи о новомъ возстаніи, но кругомъ было такъ спокойно, русскіе такъ хорошо обращались съ нами, что я на эти слухи не обращалъ вниманія и съ отцемъ по этому поводу ничего не говорилъ. Я никакъ не думалъ, что это тольки именно его и беспокоятъ.

Разъ мы сидѣли всѣ трое вечеромъ въ саду, у двери сакли и ужинали дыней, какъ вдругъ къ намъ быстро вошли въ садъ два студента ¹⁾. Жена моя Айша была непокрыта и спряталась въ саклю; они подошли къ намъ. Отецъ очень взволновался, но просилъ жестомъ сѣсть. Молодые люди сѣли на корточки противъ насъ.

— Говорите!—сказалъ отецъ и сталъ слушать.

Одинъ, который былъ постарше, заговорилъ:

— Кази послалъ по садамъ много студентовъ и насъ двоихъ также. Кази, старшины, аксакалы и многіе имамы и муллы приказали намъ объявить всѣмъ, что дѣло освобожденія Самарканда отъ русскихъ готово. На-дняхъ генералъ Кауфманъ уходитъ въ Катта-Курганъ, оставляетъ здѣсь одинъ баталіонъ: этимъ мы и воспользуемся. Къ намъ придутъ беки изъ волостей съ войскомъ, а Омаръ-Хаджа призываетъ самаркандцевъ встать подъ его командованіе. Васъ, имамъ, приглашаютъ присоединиться къ патриотамъ и вліять на другихъ, какъ вы сдѣлали это для защиты Самарканда.

Отецъ хмуро выслушалъ и отвѣчалъ:

— Тогда было одно время, а теперь другое. Теперь я не согласенъ съ тѣми, кто васъ послалъ. И напрасно вы зашли ко мнѣ. О заговорѣ я гораздо болѣе знаю, чѣмъ вы. Я былъ на тайныхъ собраніяхъ, отъ меня нѣтъ тайны, вѣдь я мулла. Но я сторонюсь отъ заговора и не буду участвовать въ вашемъ возстаніи. Я старъ и понимаю, что оно принесетъ сартамъ не пользу, а вредъ. А сынъ мой молодъ и военнаго дѣла не знаетъ. Онъ прекрасно ткеть матеріи, красить шелкъ, рисуетъ узоры, а стрѣлять не умѣетъ. Да наконецъ съ меня уже довольно!.. Онъ указалъ на больную ногу.

— Отецъ нашъ, имамъ, мудрый мулла, мы хотимъ прогнать русскихъ, они другой вѣры.

¹⁾ Студенты — ученики медресе, старшаго возраста.

— Какое вамъ дѣло до ихъ вѣры? Они не только не мѣшаютъ магометанамъ вѣрить, какъ вѣровали ихъ отцы со временъ Магомета, но еще обѣщали починить наши древнія мечети въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ начали осыпаться и рушиться. Кромѣ того, при нихъ намъ спокойнѣе, и торговля идетъ лучше. Не я одинъ, а многіе опытные люди, съ которыми я говорилъ, находятъ, что подъ управленіемъ русскихъ гораздо лучше живется, чѣмъ подъ властію бухарскаго эмира и его бека. Вотъ все, что я думаю, и что я говорилъ на собраніи. Можете это передать хоть самому Омару-Хаджѣ.

— Отецъ, имамъ!—сказали студенты:— насъ будетъ много, а ихъ мало.

— Что же изъ этого? Они проникнуты военнымъ духомъ, храбры, умѣютъ сражаться, какъ мы палку варить. Они изъ Россіи шли уже умѣлые и, пока дошли до Самарканда, подъ каждымъ городомъ воевали, а мы воевать не умѣемъ. Ну, какіе мы воины, когда мѣсяцъ тому назадъ наше ополченіе на Чупанатахъ и за горой вмѣстѣ съ бухарскими сарбасами испугалось одного вида русскихъ солдатъ. И пушки свои, и обозъ побросали, лишь бы подальше убѣжать. А вѣдь насъ тогда также много было, гораздо больше, чѣмъ русскихъ. Я стыжусь вспоминать о нашей защитѣ Самарканда, а нога мнѣ напоминаетъ... И настоящая ваша затѣя приведетъ только къ тому, что много людей падетъ, многія семьи осиротѣютъ, многія хозяйства разорятся...

Должно быть, слова отца подѣйствовали на студентовъ. Они тихо пошли изъ сада и не участвовали въ возстаніи. Мы вмѣстѣ ходили смотрѣть, какъ идетъ дѣло, и вмѣстѣ прятались отъ выстрѣловъ. Больше всѣхъ рада была Айша, что отецъ меня не пустил. Она боялась за меня. Моя жена меня очень любила.

Русскіе ничего не знали и намъ вѣрили.

У насъ въ Самаркандѣ есть еврейскій кварталъ, гдѣ живутъ только евреи. Мы ихъ мало того, что не любимъ, но просто презираемъ. Они одѣваются, какъ мы, въ халатъ и тюбетейку, но мы бреемъ головы, а у нихъ на вискахъ вьются пейсы. Кромѣ того, имъ запрещено носить пояса, какъ у насъ: они обязаны подпоясываться веревкою. Вотъ по пейсамъ и по веревкѣ ихъ сейчасъ можно отличить отъ насъ, даже издали. Они не смѣютъ входить въ наше общество и близко подходить къ намъ, но они умѣютъ какъ-то все подсмотреть, подслушать, все знать, что у насъ дѣлается. Мы слышали, что евреи, узнавъ о томъ, что готовится возстаніе, бѣгали крадучись въ крѣпость и предупреждали русскихъ. Но русскіе не повѣрили евреямъ и прогнали ихъ.

Изъ многихъ городовъ, завоеванныхъ русскими, до насъ доходили слухи, что побѣдители религіи не трогаютъ, ни у кого ничего не отнимаютъ, а за всё платятъ деньги, что они добрые и веселые

люди, а вотъ на войнѣ ихъ всѣ боялись, они были страшны. То же самое было и въ Самаркандѣ. Пока возстаніе не начиналось, наши храбрились, а когда вошли въ городъ ополченцы съ Омаромъ-Хаджей и беки съ своимп войсками, то прежде всего всѣ начальники попрятались въ минареты, а войска боялись тѣхъ, которые были въ крѣпости, боялись подступать къ стѣнѣ. Мы привыкли стрѣлять изъ-за дувала, изъ сакель, или выскочить на конѣ, пальнуть и поскорѣе ускакать, спрятаться, а тутъ приходилось нападать на открытой площади. Впрочемъ, какъ было и не бояться, за стѣною сидѣла гроза. Тамъ заключился послѣ ухода генерала 6-й баталіонъ. Я съ товарищами ходилъ смотрѣть на осаду крѣпости, и мы видѣли, какъ платились сарты, которые были посмѣлѣе. На нашихъ глазахъ сарты сожгли бухарскія ворота крѣпости и ухватились за пушку, какъ русскіе отняли пушку, избили прикладами переднихъ и выстрѣломъ изъ той же пушки разсѣяли толпу и уложили десятки, а ворота были тотчасъ же заложены мѣшками съ землею. Я видѣлъ, какъ черезъ стѣну изъ крѣпости бросали сартовъ и убитыхъ, и живыхъ, забравшихся въ крѣпость черезъ проломъ. Я слышалъ стоны умирающихъ и калѣкъ. Какъ-то мы узнали, что Усманъ поведетъ партію подрывать стѣну крѣпости. Вмѣстѣ съ товарищами я пошелъ смотрѣть. Работа пошла было, слышался стукъ китменей и желѣзныхъ лопатъ, но съ крѣпости, со стѣны стали бросать гранаты: многіе были убиты, другіе разбѣжались. Стѣна стала намъ казаться заколдованною, а осажденные колдунами. Многіе толковали, что проникнуть въ крѣпость невозможно. Войска бековъ стали роптать, сами беки потеряли терпѣніе, разсорились съ Омаромъ-Хаджею и ушли съ своими сарбасами, разграбивъ съ досады Самаркандъ. Вообще горячность нашихъ стала остывать, и приступы къ стѣнѣ пошли слабѣе.

Отецъ, когда я приходилъ домой и рассказывалъ, что видѣлъ, печально качалъ головою и говорилъ:

— Я зналъ, что такъ будетъ!

Возвратился генералъ Кауфманъ изъ Катта-Кургана и послалъ войска пройти по городу, очистить улицы. Тутъ, говорятъ, были жаркія схватки, но я не видалъ: опасно было ходить по городу, солдаты могли принять за мятежнаго сарта и пристрѣлить. Исключеніе было сдѣлано только для евреевъ, ихъ не трогали. Они, въ то время какъ наши ополченцы и беки съ сарбасами входили въ городъ, успѣли-таки пробраться въ крѣпость и заявить тамъ, что евреи въ мятежѣ не участвуютъ. Кромѣ того, они были полезны въ крѣпости, работали тамъ. Кстати русскіе вспомнили ихъ предупреденіе. Русскіе солдаты, обходя улицы города, не заглянули даже въ еврейскій кварталъ. Вмѣстѣ съ солдатами ходили и евреи. Они теперь гордо подняли головы и сбросили свои веревки. Они указывали солдатамъ дома горячихъ патріотовъ-зачинщиковъ,

а также мѣста, гдѣ были зарыты сартами деньги и цѣнные вещи. Вѣдь они все знали, слышали и видѣли.

По слову генерала Кауфмана, на другой же день сарты стали возвращаться въ свои жилища. Мы съ отцемъ также пріѣхали посмотреть свою городскую саклю. Она оказалась цѣла, потому что, къ счастью нашему, никто тамъ не прятался и изъ сакли въ русскихъ не стрѣлялъ. Отецъ откопалъ сундучекъ, въ которомъ зарылъ шелковыя одежды Айши, ея приданое и нѣкоторый запасъ своихъ денегъ. Все это было не тронуту, такъ какъ мы не слыли богатыми, и евреи за нами не подсматривали. Надо удивляться, какъ скоро все пришло въ порядокъ. Всѣ стали работать и торговать, начали строить новый большой базаръ, такъ какъ старыя русскія сожгли, принялись штукатурить тѣ мѣста мечетей, гдѣ выпали изразцы, приступили къ постройкѣ русскаго города, проводили улицы, подрядчики взялись строить русскимъ дома.

Все пошло хорошо въ моемъ Самаркандѣ. Охъ, какъ мнѣ было тяжело оставлять его!

Я высланъ сюда по моему личному дѣлу, за убійство.

У меня былъ нечестный сосѣдъ. Онъ бывало то отхватить кусокъ моего пшеничнаго поля и засѣетъ для себя, то запрудитъ арыкъ и не даетъ воды въ мой участокъ, то скоситъ часть моего клевера. Я жаловался на него кази не одинъ разъ, но онъ былъ такой хитрый, такой ловкій, что всегда передъ кази умѣлъ быть правымъ.

Вотъ одинъ разъ,—это было черезъ годъ или черезъ два послѣ того, какъ русскіе взяли Самаркандъ,—я пришелъ на свое поле косить клеверъ, смотрю, а сосѣдъ уже цѣлую полосу срѣзалъ и перетаскалъ на свой участокъ. Я ужасно разсердился и бросился на него, мы подрались. Я упалъ, онъ нагнулся и схватилъ меня за горло, я выхватилъ ножъ, ударилъ его и убилъ. Онъ только одинъ разъ вскрикнулъ, но услыхалъ его крикъ работникъ, прибѣжалъ и сталъ кричать. Сбѣжались люди, схватили меня и связали. Русскій законъ присудилъ меня въ каторгу, потомъ на поселеніе въ Сибири.

У насъ говорятъ и вѣрятъ, что у каждаго человѣка есть свой пари, который иногда заставляетъ дѣлать злыя дѣла. Я помню, что пари шепнулъ мнѣ во время драки: убей! убей его! Я говорилъ это на судѣ, но русскіе не повѣрили, что есть пари.

Айша, прощаясь со мною, очень плакала. Я сказалъ ей, чтобы она выходила замужъ за другого, что я не возвращусь. Отецъ тоже очень горевалъ. Много вытерпѣлъ я дорогой, долго шли мы. Насъ застала зима съ такими морозами, о которыхъ я понятія не имѣлъ. Я захворалъ и въ Красноярскѣ лежалъ въ больницѣ, не знаю сколько времени, а потомъ опять пошелъ. Иногда офицеръ

сжалится и найметъ подводу, но больше шли пѣшкомъ. Меня назначили на серебряный приискъ Усть-Кара.

Теперь я свободный человекъ, куда хочу, могу итти. Я работаю на кирпичномъ заводѣ Валова.

Моей родины я никогда не забывалъ и теперь тоскую по Самаркандѣ. Хотъ бы не надолго побывать дома! Я думаю, отецъ уже умеръ, Айша состарилась съ другимъ мужемъ, а все-таки... другой разъ такъ защемить сердце, такъ заболитъ душа, такъ захочется подъ свое небо, въ свои сады... Но ѣхать у меня нѣтъ денегъ, это дорого стоитъ, а итти пѣшкомъ далеко, я старъ... Не дойти...

Л. Х. Симонова.

